

Герман Мелвилл

Тайпи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М47

Мелвилл Г.
М47 Тайпи / Герман Мелвилл – М.: Книга по Требованию, 2012. – 194 с.

ISBN 978-5-4241-1974-3

Известный американский писатель Герман Мелвилл (1819–1891) в течение многих лет жизни был профессиональным моряком. С 1842 г. ему довелось служить на китобойном судне, промышлявшем в водах Тихого океана; через полтора года, не выдержав жестокого обращения капитана, он во время стоянки в порту одного из Маркизских островов, сбегал с судна и оказался в плену у жителей, населявших одну из плодородных долин острова. Этот случай и рассказ о жизни у племени тайпи лег в основу настоящей книги.

ISBN 978-5-4241-1974-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Герман Мелвилл
Тайпи

Полгода в открытом море! Да, да, читатель, вообрази: полгода не видеть суши, гоняясь за кашалотами под палящими лучами экваториального солнца по широко катящимся валам Тихого океана — только небо вверху, только море и волны внизу, и больше ничегошеньки, ничего! Уже много недель, как у нас кончилась вся свежая провизия. Не осталось ни единой сладкой картофелины, ни единого клубня ямса. Великолепные грозди бананов, украшавшие прежде нашу корму и ют, увьи! исчезли, нет больше и сладостных апельсинов, свисавших с наших штагов и рей. Все ушло, и нам ничего не осталось, кроме солонины и морских сухарей. О вы, путешествующие в пассажирских каютах, вы, которые столько шуму подымаете из-за какого-то двухнедельного плавания через Атлантику и с таким искренним ужасом повествуете о своих корабельных тяготах, — подумать только, ведь после целого дня завтраков, чаев, обедов из пяти блюд, светских бесед, виста и пунша вам приходится, бедненьким, запираяться по своим отделанным красным деревом и мореным дубом каютам и спать по десяти часов кряду непробудным сном, разве только «эти негодники матросы» вдруг вздумают «орать и топтать над головой», — что бы вы сказали, случись вам провести шесть месяцев в открытом море?!

Увидеть бы хоть одну травинку, освежающую глаз! Вдохнуть хоть бы один раз жирный аромат земли, размятой и благоухающей в горсти! Неужто ничего свежего, ничего зеленого нет вокруг нас?! Зелень-то, правда, есть. Наши борта изнутри выкрашены зеленой краской, но какого ядовитого, болезненного оттенка — будто ничто, даже отдаленно схожее с живой растительностью, не могло бы вынести этого тяжкого пути, уводящего прочь от твердой земли. Даже кора, державшаяся на дровах, ободрана и пожрана капитанской свиньей, да и сама та свинья уже съедена давным-давно.

И в загородке для птицы остался только один-единственный обитатель — некогда веселый лихой петушок, гордо расхаживавший в окружении жеманных кур. А теперь? Взгляните на него: вон он круглый день стоит, понурый, на своей одной неутомимой ноге. И с омерзением отворачивается от рассыпанных перед ним плесневелых зерен и от тухлой воды в корытце. Без сомнения, он предается трауру по своим погибшим подругам, которые были в буквальном смысле вырваны у него одна за другой и исчезли безвозвратно. Но дни его траура сочтены, ибо наш черный кок Мунго вчера сообщил мне, что получено наконец указание и смерть бедняги Педро предрешена. В будущее воскресенье его изможденный труп выставят для прощанья на капитанском столе, и задолго до наступления ночи он будет со всеми почестями похоронен под жилеткой сего почтенного джентльмена. Кто бы поверил, что может сыскаться столь жестокий человек, который желал бы казни страдальцу Педро? Однако эгоистичные матросы денно и ночью молят бога о гибели злосчастной птицы. Утверждают, что капитан не повернет к берегу до тех пор, пока у него в запасе есть хоть один свежий мясной обед. Бедное пернатое обречено послужить ему последним таким обедом, и, как только оно будет поглощено, капитан должен образумиться. Я не желаю тебе худа, Петр, но раз уж ты все равно обречен рано или поздно разделить судьбу всего рода твоего и раз конец твоему существованию одновременно должен

послужить знаком нашего освобождения, — да по мне, признаться, пусть бы тебе хоть сейчас перерезали горло; ибо, о, как я жажду снова увидеть живую землю! Даже сама наша старая шхуна мечтает опять взглянуть на сушу своими круглыми клюзами, и смельчак Джек Люис правильно ответил, когда на днях капитан обругал его за то, что он плохо держит курс:

— Да видите ли, капитан Вэнгс, я рулевой не хуже всякого, — сказал он, — да только нынче никто из нас не может удержать старушку на курсе. Не хочет она идти ни по ветру, ни бейдевинд; как ни смотришь за ней, она все норовит сойти с курса, а когда я, сэр, этак нежненько кладу руль на борт и добром приглашаю ее не увильвать от работы, она взбрыкнет и на другой галс перекатывается. А все потому, сэр, что она чует сушу с наветренной стороны и нипочем не хочет уходить дальше по ветру.

Твоя правда, Джек. Да и как может быть иначе? Разве ее толстые шпангоуты не выросли в свое время на твердой земле и разве у нее, как и у нас, нет своих чувств и привязанностей?

Бедная старая шхуна! Чего же ей еще желать? Да вы только посмотрите на нее. Вид ее так жалок! Краска на боках, выжженная палящим солнцем, пошла пузырями и лупится. И вон водоросли тащатся за нею хвостом, а под кормой что за безобразный нарост из уродливых полипов и рачков! И всякий раз, взбираясь на волну, она открывает миру оборванные, покореженные листья медной обшивки.

Бедная старая шхуна! Ведь ее полгода без передышки носит и мотает по волнам. Однако бодрись, старушка, скоро надеюсь увидеть тебя в зеленой бухте, мирно покачивающейся на якоре в надежном укрытии от неистовых ветров и так близко от веселых берегов, что просто рукой подать или добросить замшелым сухарем!

«Урра, братцы! Решено: через неделю мы берем курс на Маркизские острова!»

Маркизские острова! Какие странные, колдовские видения вызывает это имя! Нагие гурии, каннибальские пиршества, рощи кокосовых пальм, коралловые рифы, татуированные вожди и бамбуковые храмы; солнечные долины, посаженные хлебными деревьями; резные челноки, танцующие на ясных синих струях вод; дикие джунгли и их жуткие стражи — идолы, языческие обряды и человеческие жертвоприношения.

Таковы были странные, смутные предвкушения, томившие меня все время, пока мы туда плыли. Мне не терпелось как можно скорее увидеть острова, столь красочно описанные мореплавателями прошлых дней.

Архипелаг, на который мы держали курс, хотя и принадлежит к наиболее ранним открытиям европейцев в Южных морях (впервые они побывали там в 1595 году), остается по сей день обиталищем племени дикого и языческого. Миссионеры, отправлявшиеся в плавание по делам Божиим, стороной миновали эти живописные берега, предоставляя их во власть деревянных и каменных идолов. А как необыкновенны обстоятельства, при которых они были открыты! На водной тропе Мендании, рыскавшего по океану в поисках золотого берега, они встали как некий очарованный край, и на какое-то мгновение испанец поверил, что мечта его сбылась. В честь маркиза де Мендозы — в те времена вице-короля Перу, — под чьим покровительством было начато это плавание, Менданию

дал островам имя, прославляющее титул его патрона, и по возвращении восторженно и туманно поведал миру об их великолепии. Но острова, годами никем не тревожимые, снова как бы канули во мрак неизвестности; все сведения, которыми мы о них располагаем, появились лишь в самое последнее время. А раз в полстолетие на них обязательно наткнется какой-нибудь отчаянный морской бродяга, нарушая их мирную дремоту, и готовый всякий раз приписать себе честь нового открытия.

Сведения о группе этих островов скудны — есть только случайные упоминания в книгах о плаваниях по Южным морям. Кук во время своих неоднократных кругосветных путешествий почти не задерживался у их берегов, и все, что мы знаем о них, почерпнуто из двух-трех повествований более общего характера. Среди них особого внимания заслуживают две книги: «Бортовой журнал плавания американского фрегата „Эссек“ по Тихому океану в годы минувшей войны» Портера, содержащая, как я слышал, немало интересных подробностей об островитянах, хотя эту книгу мне ни разу не посчастливилось видеть самому; и «Плавание в Южных морях» Стюарта, капеллана американского военного шлюпа «Венсанн», где один из разделов также посвящен этой теме.

За последние несколько лет американские и английские суда, занятые китобойным промыслом в Тихом океане, испытывая недостаток в продовольствии, заходили время от времени в удобную бухту одного из Маркизских островов, но страх перед туземцами, коренящийся в памяти об ужасной судьбе, постигшей здесь многих белых людей, удерживал команды от общения с местным населением, достаточно близкого для того, чтобы познакомиться с их своеобразными обычаями.

Протестантские миссионеры, как видно, отчаялись когда-либо вырвать эти острова из цепких пут язычества. Встречи, которые им во всех без исключения случаях оказывали островитяне, запугали даже храбрейших из их числа. Эллис в своих «Полинезийских исследованиях» приводит интересный рассказ о неудачной попытке Таитянской миссии организовать филиал на одном из Маркизских островов. В связи с этим я не могу не передать довольно забавный случай, происшедший там незадолго до моего появления.

Один отважный миссионер, не уstraшенный плачевным исходом всех прежних стараний умиротворить этих дикарей и твердо верующий в благотворную силу женского влияния, привез к ним молодую и красивую жену, первую белую женщину в тех краях. Вначале островитяне взирали на это чудо с немым восторгом и, видимо, полагали, что перед ними какое-то божество. Но вскоре, свыкнувшись с прелестным внешним обликом этого божества и негодуя на покровы, заслоняющие от них его истинные формы, они пожелали проникнуть взором священные ситцевые складки и, утоляя свое любопытство, столь недвусмысленно преступили правила благонравного поведения, что жестоко оскорбили чувство приличия этой достойной дамы. Но лишь только они установили ее пол, как молчаливое их обожание сменилось откровенным презрением; и не было счета оскорблениям, которыми осыпали ее эти возмущенные дикари, вообразившие, будто их желали бессовестно обмануть. К ужасу любящего супруга, с нее сорвали одежды и дали ясно понять, что больше ей не удастся безнаказанно водить их за нос. Благородная дама была не настолько возвышенна душой, чтобы терпеть все это, и, убоявшись дальнейших безобразий, заставила мужа отказаться-

ся от его начинания и возвратиться на Таити.

Такое стыдливое нежелание демонстрировать свои прелести отнюдь не было свойственно самой царице, прекрасной супруге царя острова Нукухива Мованны. Спустя два-три года после описываемых в этой книге приключений я как-то очутился у здешних берегов на борту военного корабля, на котором тогда плывал. В то время Маркизы находились во власти французов, и они с гордостью утверждали, что благотворное воздействие их законов уже успело сказаться на поведении жителей. Правда, при одной такой попытке усовершенствования нравов ими было перебито человек полтора ста обитателей острова Уайтайху — но об этом умолчим. В те дни, о которых идет речь, в заливе Нукухива собрались все корабли французской эскадры; и в ходе беседы между одним их капитаном и нашим многоуважаемым коммодором француз выдвинул предложение, чтобы наш корабль, как флагман американской флотилии, принял с официальным визитом здешнюю царскую чету. При этом он с большим удовлетворением сообщил, что под их неусыпным руководством царь и царица усвоили надлежащий взгляд на собственное высокое положение и в торжественных случаях держатся со всей подобающей солидностью. На борту корабля начались приготовления — их величествам надо было устроить достойный прием.

И вот в ясный погожий день от одного из французских фрегатов отвалила пестро изукрашенная гичка и устремилась прямо к нам. На корме ее возлежал Мованна и рядом — его царственная супруга. Когда они приблизились к нам в достаточной мере, им были оказаны все королевские почести: команда усеяла реи, пушки грянули салют, и поднялся невообразимый шум.

Взойдя по трапу на палубу, где их со шляпой в руке приветствовал наш коммодор, они двинулись мимо выстроившегося на шканцах почетного караула, а оркестр грянул «Слався, царь каннибальских островов». Все шло как нельзя лучше. Французские офицеры ухмылялись и строили самодовольные гримасы вне себя от восторга, что августейшие особы так прилично себя ведут.

Их внешний вид, безусловно, был рассчитан на то, чтобы впечатлять. Его величество был облачен в великолепный военный мундир, колом стоявший от бесчисленных шнуров и золотого шитья, между тем как его бритую макушку скрывала огромная *chapeau bras*¹ с плавно колышущимися страусовыми перьями. Одно только было неладно в его царственном облике: через все лицо шла вровень с глазами широкая полоса татуировки, создавая впечатление, будто его величество носит большие темные очки; а королевская особа в очках — это же бог знает что такое! В наряде же его прекрасной смуглолицей половины флотские портные поистине явили весь блеск своего национального вкуса. Она была обернута в легкое ярко-алое полотнище с желтой шелковой бахромой понизу, которая едва достигала колен и открывала всеобщему обозрению голые ноги, украшенные спирально татуировкой и несколько напоминающие две Трояновы колонны в уменьшенном масштабе. А на голове у нее красовался замысловатый тюрбан из лилового бархата с серебряными разводами, увенчанный плюмажем из всевозможных перьев и перышек.

Скоро внимание ее величества привлекли любопытствующие члены экипажа, столпившиеся на палубе. Из их числа она выделила одного старого морского волка, чьи голые руки, босые ноги и распахнутая грудь были исписаны китайской тушью гуще, чем крышка египетского саркофага. Незирая на тактичные намеки

и прямые возражения французских офицеров, она тут же приблизилась к нему и, заглядывая за пазуху его парусиновой робы, еще выше закатывая его широкие штанины, с восхищением рассматривала открывавшиеся при этом малиновые и синие узоры. Она прямо оторваться от него не могла, ласкала его, обнимала и выражала свои восторг разными непонятными восклицаниями и жестами. Легко себе представить смущение дипломатичных галлов при этих непредвиденных обстоятельствах. Вообразите же, каков был их ужас, когда сия августейшая дама, желая явить взглядам кое-какие иероглифы на своей собственной особе, вдруг быстро наклонилась и, отвернувшись от общества, вскинула свои юбки, открыв глазам присутствующих такое зрелище, от которого потрясенные французы бежали в тот же миг и, попрыгав в свою шляпку, покинули сцену позорной катастрофы,

Не забыть мне те восемнадцать или двадцать дней, пока легкие пассаты безмолвно гнали нас к Маркизским островам. Мы промышляли кашалотов на самом экваторе, где-то градусах в двадцати к западу от Галапагосов, и, когда курс был проложен, наше дело было только обрасопить реи и держать по ветру, а об остальном уж позаботятся свежий ветер да добрый корабль. Вахтенный рулевой больше не изводил старушку непрерывными рывками штурвального колеса, а, удобно облокотившись на спицы, часами блаженно дремал. Верная своему долгу, «Долли» твердо держалась курса и, как те люди, что лучше всего управятся с делом, если предоставить их самим себе, трусила своей дорогой, точно старый морской конь, каким она в действительности и была.

Какое божественное это было время, какая лень, какая истома царили кругом! Делать было нечего — положение вещей, как нельзя более отвечавшее нашей явной склонности к ничегонеделанию. Кубрик совсем обезлюдел, мы натянули на баке тент и целый божий день проводили под ним — спали, ели и предавались безделью. Всех словно каким-то зельем опоили. Даже офицеры, кому долг запрещает садиться, пока они находятся на палубе при исполнении служебных обязанностей, тщетно пытались удержаться на ногах и вынуждены были прибегать к компромиссу; они прислонялись к поручням и бездумно глядели за борт. О чтении нечего было и думать: стоило взять книгу в руки, и ты уже крепко спал.

Не в силах противостоять этому расслабляющему влиянию, я, однако, по временам страхивал с себя на мгновение чары и успевал восхититься красотой всего, что было вокруг меня. Небо раскинулось широким сводом чистой синева, лишь по самому горизонту опущенное узкой каймой бледных облаков, день ото дня не меняющих ни формы, ни цвета. Плавно, размеренно, заупокойно колыхалось тихоокеанское лоно, и зеркальная выпуклая гладь огромных валов морщила и рябила солнечными зайчиками. Время от времени из-под форштевня взлетали испугнутые стайки летучих рыбешек и тут же серебряным ливнем низвергались назад. Или вдруг великолепный тунец вырывался из воды, сверкая боками, и, описав дугу, вновь скрывался под водой. Порой вдалеке можно было видеть высокую играющую струю китового фонтана, а поближе

— рыскающую тень акулы, этого коварного морского разбойника, украдкой с безопасного расстояния разглядывающего нас своим недобрым глазом. Иногда какое-нибудь бесформенное чудовище глубин, всплывшее на поверхность, при нашем приближении начинало медленно погружаться, исчезая из виду в синей толще воды. Но всего примечательнее была почти полная тишина, царившая меж небом и водою. Не слышно было ни звука, разве фыркнет поблизости дельфин, да журчит, не умолкая, под форштевнем вода.

А когда мы приблизились к суше, я с радостью встречал бесчисленные полчища морских птиц. Издавая резкие крики и спиралью взлетая и опускаясь, они сопровождали корабль и даже садились на реи и ванты. Пернатый пират, заслуженно прозванный морским коршуном, сверкая кроваво-красным клювом и черным вороновым оперением, бывало, спускался к нам широкими кругами, постепенно их сужая, так что под конец можно было отчетливо видеть странный

блеск его маленького глаза, а затем, словно удовлетворившись наблюдением, снова взмывал вверх и терялся из виду. Скоро стали заметны и другие признаки близости суши; прошло немного времени, и вот уже с фор-марса раздался радостный возглас «Земля-а-а!», выведенный нараспев по всем правилам матросского искусства.

Капитан, выскочив из каюты на палубу, заорал, чтобы ему немедленно подавали подзорную трубу; первый помощник еще оглушительнее заорал марсовым: «Где-е?» Чернокожий кок высунул из камбуза курчавую голову, а пес по кличке Боцман стал носиться от борта к борту и яростно лаять. Земля! Земля! Ну да, вот она. Едва различимая неровная голубая полоска — провозвестница обрывистых, еще неразличимых круч и пиков Нукухивы.

Остров этот, хотя обыкновенно считается принадлежащим к Маркизскому архипелагу, многими мореплавателями рассматривается как составляющий вместе с близлежащими островками Рухука и Ропо самостоятельную группу. Все три они получили название Вашингтоновых островов. Они образуют треугольник, расположенный между 8°38' и 9°32' южной широты и 139°20' и 140°10' западной долготы (от Гринвича). Сколь мало у них оснований почитаться отдельной группой, будет ясно, если вспомнить, что, во-первых, они лежат в непосредственной близости, то есть менее чем в одном градусе на северо-запад от остальных островов, и что, во-вторых, их обитатели говорят на маркизском диалекте и у них одни и те же законы, религия и обычаи. Единственной причиной для такого условного выделения могло бы служить то удивительное обстоятельство, что мир ничего не знал об их существовании вплоть до 1791 года, когда они были обнаружены капитаном Ингреэмом из Бостона (штат Массачусетс) без малого на два столетия позже, чем были открыты соседние острова посланцем испанской короны. Как бы то ни было, я, в соответствии с мнением большинства мореплавателей, буду рассматривать эти три острова как часть Маркизского архипелага.

Нукухива — наиболее значительный из них, единственный, куда имеют обыкновение заходить корабли; это тот самый знаменитый остров, где хитроумный капитан Портер во время последней войны американцев с англичанами переоснастил свои суда и откуда он неожиданно напал на большую китобойную флотилию, плававшую тогда в ближних морях под вражеским флагом. Остров имеет около двадцати миль в длину и почти столько же в ширину. На его побережье есть три хорошие гавани, самую вместительную и удобную из них обитатели ее окрестностей обозначают именем Тайохи, а капитан Портер окрестил Массачусетским заливом. Среди различных племен, обитающих по берегам других бухт, а также среди мореплавателей она известна по имени самого острова — как гавань Нукухива. Ее обитатели уже подверглись за последнее время развращающему коммерческому влиянию европейцев, но там, где дело касается их своеобразных обычаев и нравов, они и сейчас находятся в том же первобытном природном состоянии, в каком впервые предстали взгляду белого человека. А враждующие между собой племена, населяющие более отдаленные части острова и почти не вступающие в общение с иноземцами, полностью сохранили свой примитивный образ жизни с древнейших времен.

Теперь и мы держали курс так, чтобы бросить якорь в бухте Нукухива. Лишь на закате стали видны силуэты гор, и, двигаясь всю ночь с очень слабым бризом,

мы к утру оказались вблизи них; но поскольку гавань, в которую мы хотели попасть, была на противоположном конце острова, нам пришлось некоторое расстояние проплыть каботажем вдоль берега, и мы видели, проплывая мимо, цветущие долины, глубокие ущелья, водопады, трепетные рощи, заслоняемые тут и там крутыми обрывистыми утесами, каждую минуту открывающими все новые и новые красоты.

Тех, кто впервые попадает в Южные моря, обычно поражает вид островов с воды. По невнятным отзывам люди часто представляют себе их в виде едва выступающих над водой ярко-зеленых покатых холмов, осененных прелестными рощицами и орошенных сонно журчащими ручейками. Действительность же совсем не такова: высокий прибой ударяет в крутые каменистые берега, кое-где они отступают, образуя глубокие бухты с непроходимыми лесами по низменным берегам, а между ними стенами высятся отроги гор, одетые жесткой травой и спускающиеся к воде откуда-то из гористой сердцевины острова.

К полудню мы поравнялись с входом в залив, медленно обогнули выступающий мыс и выплыли на внутренний рейд Нукухивы. Никаким описанием нельзя передать красоты открывшегося нам зрелища. Но для меня она, увы, пропала, я видел только шесть трехцветных французских флагов, повисших на кормах шести кораблей, чьи корпуса своим черным цветом и раздутыми боками выдавали их воинственное предназначение. Вот они, все шестеро, покачиваются на серебристой глади вод, а зеленые горы с берегов глядят на них так миролюбиво, словно упрекая за эту воинственность. На мой взгляд, ничто не могло бы так нарушить гармонию, как присутствие здесь этих судов. Но вскоре мы узнали, каким образом они тут оказались. Незадолго перед тем сюда явился доблестный контр-адмирал дю Пти-Туар со всей эскадрой и именем непобедимой французской нации вступил во владение всей группой Маркизских островов.

Это известие мы получили от личности в высшей степени необыкновенной: от настоящего тихоокеанского бродяги. Лишь только мы вошли в залив, он подплыл к нам на вельботе и поднялся на палубу с помощью некоторых сочувствующих из числа команды — ибо находился в той степени опьянения, когда человек делается крайне любезным и совершенно беспомощным. Будучи явно не в состоянии прямо стоять на ногах или же переправить свою персону от одного борта к другому, он тем не менее великодушно предложил капитану свои услуги в качестве лоцмана, дабы провести нашу шхуну к месту удобной и надежной якорной стоянки. Капитан усомнился в его способности послужить нам лоцманом и отказался признать его в этом звании. Но наш уважаемый гость не собирался отступать от своего намерения. Упорно карабкаясь, падая и карабкаясь снова, он взобрался в висевшую на шканцах шлюпку, встал в ней во весь рост, держась за ванты, и голосом на редкость оглушительным принялся выкрикивать команды, сопровождая их к тому же весьма своеобразной жестикуляцией. Разумеется, никто его не слушал, но утихомирить его не представлялось возможности, и мы плыли мимо кораблей французской эскадры, имея на борту этого клоуна, выделявавшего свои штуки на глазах у их офицеров.

Потом мы узнали, что наш странный знакомец был когда-то лейтенантом английского флота, но, опозорив флаг своей страны каким-то преступлением в одном из больших европейских портов, бежал и много лет провел, скитаясь по островам Тихого океана, пока новые французские власти в Нукухиве, где он